

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

XII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть II

Москва 1977

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФОРМ
(на материале хорасанского курманджи)

В хорасанском курманджи формам настоящего-будущего времени (dekev+im 'падаю', 'упаду', dekev+i 'падает', 'упадет', dekev+in 'падаете', 'падают', 'упадете', 'упадут') противостоят формы настоящего сильного, или настоящего специального (dekevi+ne 'падаю', dekevi+ye 'падает', dekevi+ne 'падаете', 'падают').¹ В целом обладая довольно омутимой формальной и функциональной спецификой, парадигма настоящего сильного (структурно представляющая собой своеобразный перфект настоящего времени) все же не выделяет особым звучанием формы 2-го л. ед.ч. dekevi и 1-го л. мн.ч. dekevinê, которые в этом случае омонимически совпадают с аналогичными формами настоящего-будущего времени.

В предлагаемом сообщении, однако, внимание привлекается не к этому соотношению, характерному для глаголов хорасанского курманджи, взятых в совокупности, а лишь к одной из особенностей ограниченной группы глаголов (kirin 'делать', dan 'давать' çûn 'идти, уходить' и др.), сохранивших в исходе настоящей основы конечное e и тем самым, в частности, - формы 3-го л. ед.ч. настоящего-будущего времени с тем же исходом: deke 'делает', dede 'дает', teĝe 'идет' и т.д., а не *deki, *dedi, *teĝi, наподобие dekevi². При этом важно подчеркнуть, что указанные глаголы сохраняют те же формы 3-го л. ед.ч. и в составе парадигмы настоящего сильного: deke, dede, teĝe и т.д. (без наращенной частицы -ye), а не *deke+ye, *dede+ye, *teĝe+ye, наподобие teĝ+ye 'идет', deçd+ye 'жует' и т.д., - хотя те же глаголы для других лиц образуют специальные формы настоящего сильного; ср. deke-me / >³ dekimê 'делаю', dekene / > dekinê 'делаете', 'делает' и т.п.

Описанные сложные соотношения (когда основная масса глаголов не обладает особыми формами настоящего сильного для 2-го л. ед.ч. и 1-го л. мн.ч., а глаголы группы kirin и др. - также для 3-го л. ед.ч.) опираются на все доступные нам тексты и могли бы свидетельствовать по крайней мере о слабой выделенности категории настоящего сильного. И все же реальность этой категории в

хорасанском курманджи не должна вызывать сомнения, на что указывает и недавно обративший на себя наше внимание нижеследующий отрывок из "Образца фонологической записи" (к сожалению, содержащего всего двадцать строк) — приложения к экспериментально-фонетическому исследованию В.С.Соколовой⁴:

Ez le şkalê mellemfîyê dekime. Herdu brê min: yêk le şêr dexwîniye, yi din le kelxazê k'ar dekê. Xwê min, yêk le febrfkî kar dekê, yi din hîn qîçike, t'eêê dêtsat. Diya min biwi, le mal sa me xiragê teyar dekê.

Le sali biwi brayi minî le şêr dexwîni, xwendinê kelas deke, ew jî dexaziye biwi, le va şkali ez k'ar dekey(!)de k'êr k'ewî. Brayi mine le kelxazê k'ar dekey biwi saleke din dexaziye hege şêr le şafirîyê bixwîni. Xwengî mine qîçik saleke din t'eêê pêrwî klas xwendinê.

‘Я преподаю в школе, два моих брата — один учится в городе, другой работает в колхозе. Мои сестры — одна работает на фабрике, другая еще маленькая, ходит в детсад. Моя мать готовит нам дома.

В будущем году мой брат, который учится в городе, закончит учебу. Он хочет поступить на работу в ту школу, где работаю я. Мой брат, который работает в колхозе, хочет поехать в будущем году в город учиться на шофера. Моя младшая сестра в будущем году пойдет учиться в первый класс’.

Легко установить, что в приведенном тексте формы 3-го л. ед.ч. dekê ‘делает’, t'eêê ‘идет’ (с непривычным исходом ê на месте обычного е) образуют один ряд с известными нам формами настоящего сильного dexwîniye ‘учится’, dexaziye ‘хочет’ (с наращенным формантом -ye; ср. здесь же форму 1-го лица dekime) и что весь этот ряд в свою очередь строго коррелятивно противопоставлен формам настояще-будущего deke, t'eêe (с конечным e) и dexwîni (без форманта -ye)⁵. Нелишним будет также отметить, что и форма конъюнктива hege ‘пойдет’ характеризуется конечным e в полном соответствии с тем, как одноименные формы biwi ‘придет’, k'ewî ‘попадет’, bixwîni ‘будет учиться’ лишены форманта -ye⁶.

Как уже указывалось, ни в наших текстах, ни в текстах Г.Г.Пехлеви формы dekê, teêe вовсе не отмечены. В текстах Ч.Х.Бакаева⁷ dekê тоже отсутствует, а форма t'eêe представле-

на несколькими несомненно окказиональными употреблениями (см. примеры 3,4). Замечательно, однако, что для иллюстрации - в разделе "Фонетика" - утверждения о "безразличном употреблении е и ê ... когда гласный е является окончанием 3-го лица единственного числа" (с. II) Ч.Х.Бакаев из всей массы глаголов привлекает те же *dekê*, *t'eġê*. Ср.:

(1) *Biġê min p'îġ we rind lû deke/dekê* (II) 'Мой брат поет очень хорошо';

(2) *Ħw je ŧêġ werdek'evîye*, *t'eġe/t'eġê* (II) 'Он выходит из города и уходит';

(3) *Evel dîyê lêwîk sa lawî xweġa t'eġê ilċi qîzikê law dexwaze* (I56) 'Сперва мать вноши отправляется сватать девушку, которую сын любит';

(4) *Rôyêkê je ŧehereki werk'et*, *fik'irî*, *kalikek t'eġê* (I91) 'Как-то он вышел из одного города и видит, какой-то старик идет'.

При известной противоречивости материала нельзя все же не заметить, что и здесь во всех четырех примерах формы *dekê* и *t'eġê* употреблены только в значении настоящего времени; в прим. 2 - в одном ряду с маркированной формой настоящего сильного *werdek'evîye*, в прим. 3, - правда, рядом с формой настоящего-будущего времени *dexwaze* (вместо *dexwazi/dexwazê* ? Ср. в тексте В.С.Соколовой в аналогичной позиции форму настоящего сильного *dexaziye*).

Формы *dekê*, *t'eġê*, разумеется, весьма проблематичны. Они, прежде всего, чрезвычайно скупо представлены³. И все же нам представляется продуктивным предположение, что они возникают в стремлении включить в общий ряд маркированных форм 3-го лица единственного числа настоящего сильного (*dewîniye* 'остается', *dexwîniye* 'учится', *dewġoŧiye* 'продает', *dexaziye* 'хочет', *desûye* 'жует', *têye* 'приходит' и т.д.) и соответствующие формы стоящей особняком группы глаголов *kirin*, *dan*, *çun* и т.д., сохраняющие в исходе гласный е (*deke*, *dede*, *teġe*) как в настояще-будущем времени, так и в функции настоящего сильного. С одной стороны, формы *deke*, *teġe* и т.д. явно перегружены омонимически: они не только обслуживают одновременно две парадигмы - настоящего-будущего и настоящего сильного, - но и сохраняют тот же звуковой состав в препозиции к имени; ср. *tîni* 'несет', но *tîni+ye malê xe* 'приносит домой' при *dede* 'дает' и *dede wî*

'дает ему'. С другой стороны, теоретически постулируемые специальные формы настоящего сильного *deke+ye, *dede+ye и т.д. (ср. реальные tē+ye, desū+ye и др.) на почве хорасанского курманджи, по-видимому, оказались неустойчивыми (или вообще не могли быть порождены), и поэтому вполне можно допустить, что формы dekê, t'eġê всплывают на поверхность, как бы минуя скрытый (промежуточный) этап deke+ye, t'eġe+ye. Ср. у В.С.Соколовой чрезвычайно показательное в этом плане чередование dekeu/dekê; см. выше.

Но что же тогда препятствует внедрению маркированной формы настоящего сильного с исходом ê и распространению ее на всю группу, т.е. подтягиванию к dekê 'делает', t'eġê 'идет' также форм dedê 'дает', dewê 'берет, уносит', dexwê 'ест'?

Можно полагать, что на пути интенсификации этого процесса - устранения омонимии наст.-буд. deke, наст.сильн. deke возобладанием специальной формы наст. сильн. dekê - стоит чередование ê/i для форм 3-го лица единственного числа настоящих времен основной массы глаголов, в свою очередь отражающее широко представленный в хорасанском курманджи фонетический процесс сближения гласных ê - i. Узальный ряд dekê, t'eġê, dedê, dewê, dexwê - при высокой частоте глаголов этой группы - неизбежно ассоциировался бы не только с функционально идентичным рядом форм настоящего сильного (dexaziye, defroziye, dexwiniye и т.д.), но и с созвучным рядом форм настоящего-будущего - dexazeê (/< dexazi), defrozeê (/< defrozi), dexwinê (/< dexwini) и т.д., - что могло бы обусловить новое смешение форм 3-го лица единственного числа этих двух смежных парадигм: dekê - настоящее сильное (и настояще-будущее?), dexazeê - настояще-будущее (и настоящее сильное?).

Не менее сдерживающим является, по-видимому, и тот факт, что конечное ê в составе dedê, dekê, teġê, dewê в определенном контексте может быть истолковано и в качестве энклитического местоимения, замещающего постпозитивное дополнение. Ср. у Ч.Х.Бакаева (с. 64): avê nekê, ew k'upe'ne наливай в нее воды, она дырявая'.

Итак, мы видим, что и вновь возникающие формы dekê, teġê отягощены омонимией (не только потенциальной, но и реальной) не в меньшей степени, чем исходные deke, teġe, и что, следовательно, один и тот же процесс противодействия грамматической

омоними - только обращенный в противоположные стороны - и вызывает к жизни формы $dekê$, $teġê$, и подавляет их, отводя им роль сугубо окказиональных.

¹ См. И.И.Цукерман, Глагольные окончания в хорасанском курманджи (Диахроническая направленность вариантов). Палестинский сборник, вып. 21 (84), Л., 1970, с. 114-120. Там же указаны источники и условные обозначения для иллюстраций.

² Подробнее см. там же, с. 117 и слл. Формы $dekî$, $dedî$, $teġî$ теоретически вовсе не исключены. Они вполне могли бы возникнуть - по крайней мере, в качестве окказиональных - по аналогии с $dekevi$.

³ Сочетание знаков /> обозначает 'чередуются с неотипом', /< - 'чередуются с архетипом'.

⁴ В.С.Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, I, 1958, с.99.

⁵ Форма $dexwîni$ (вместо ожидаемого $dexwîniye$) возникает здесь, по-видимому, под воздействием обстоятельственного выражения $le salî biwî$ 'в будущем году'.

⁶ Вз $k'ar dekeu...$ (вместо требуемого $k'ar dekime$) - видимо, обмолвка информанта. Восклицательный знак поставлен В.С.Соколовой, а сохранение этой аномалии в тексте лишний раз свидетельствует о высокой корректности эксперимента. Та же форма в составе $braui min... k'ar dekeu$, как мы можем полагать, представляет собой фонетический вариант $dekê$ (см. ниже). Ср. такое же чередование вариантов $k'ar dekeu/k'ar dekê$ в другом месте цитируемой книги В.С.Соколовой, в иллюстрациях (с. 82).

⁷ Ч.Х.Бакаев, Говор курдов Туркмении, М., 1962. В дальнейшем в скобках указаны страницы этой книги.

⁸ Во всяком случае - в ученных нами материалах. Вполне возможно, что в других районах распространения хорасанского курманджи или в речи молодого поколения курдов Туркмении эти формы встречаются чаще. Ср. приведенную выше запись речи, полученную В.С.Соколовой от студента Рагимова.